

УДК 130.2

Патриот и герой в дискурсе жертвенности и смерти

Волков Владимир Николаевич

Доктор философских наук, профессор кафедры управления социально-культурной деятельности и туризма, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма, 123007, Российская Федерация, Москва, ул. 5-я Магистральная, д. 5; e-mail: vnickvo@gmail.com

Аннотация

Концепты патриотизма, героизма и врага приобретают особое значение в связи с вхождением России в мировую цивилизацию и процессами глобализации. Нынешние «ура-патриоты» вновь пытаются организовать «охоту на ведьм» и поиск «пятой колонны» под флагом борьбы с космополитизмом и «предателями Родины». Поэтому разобраться в проблемах, связанных с патриотизмом, героизмом, Родиной и её врагами, – задача актуальная и практически значимая.

Для цитирования в научных исследованиях

Волков В.Н. Патриот и герой в дискурсе жертвенности и смерти // Культура и цивилизация. 2015. № 1-2. С. 9-29.

Ключевые слова

Патриотизм, героизм, родина, нация, этатизм, враг, подвиг, святыня, война, новояз, глобализация.

Введение

Почему народы так привязаны к продуктам своего воображения, а люди готовы отдать жизнь за эти ментальные изобретения? Нации обычно внушают

гражданам любовь к себе, причем пропитанную духом самопожертвования. Патриотизм – это разновидность любви, которая обычно описывается с помощью терминов родства и места жительства: «родина», «отчизна», «отечество» и т.д. Речь идет о естественных связях человека, в отношении которых его выбор не может быть свободен: «Тем самым *национальность* уподобляется цвету кожи, полу, родословной или эпохе, в которую довелось родиться, то есть всему тому, что не дано изменить... Иначе говоря, именно потому, что эти узы не выбирают, они и окружены ореолом бескорыстной преданности» [Андерсон, 2001, 162].

Патриотизм

Иммануил Валлерстайн утверждает, что именно Французская революция сделала подданных гражданами. Государства стали ответственны перед значительной группой лиц, выразивших определённые политические требования. Но если появились граждане, возникла и категория не-граждан. Программа либерализма XIX столетия состояла из трёх основных элементов: избирательное право, перераспределение благ и национализм. Третий элемент программы – национализм – заключался в воспитании патриотического чувства привязанности к своему государству, что достигалось систематической деятельностью двух институтов: начальных школ (а их посещение стало обязательным к середине XX века) и службы в армии (которая даже в мирное время стала нормой в большинстве стран, по меньшей мере, для мужчин). Повсеместное распространение получили также коллективные националистические ритуалы [Валлерстайн, 2004, 146].

Понятие национальных интересов обычно используется как норма отношений между государствами и внутри государств. Государственный разум подразумевает наличие своекорыстия, властолюбия, стремления к господству. Однако для большинства людей национальная принадлежность воплощает незаинтересованность, в неё не вкладывается корыстного интереса. Именно поэтому «нация» может требовать жертв. А идея жертвенности всегда связана с идеей чистоты. Мировые религии связали и транслируют эти идеи и

даже официальный атеизм государства усиленно их эксплуатирует. «Коллективная жертва», «неизбежность», «почётная обязанность», «священный долг», «отдать жизнь за Родину», «вечный огонь», «могила Неизвестного солдата» – таковы язык и образы войны. Язык утаивает, маскирует, замалчивает, лжёт. В войнах XX века было убито и искалечено наибольшее число людей по сравнению со всей предшествующей историей. Была достигнута беспрецедентная готовность «отдать жизнь за Родину». Национальные интересы скрывают горы трупов, принесенных на алтарь государства. Таков результат отождествления нации с интересами государственного аппарата. Патриотизм не в состоянии понять эти парадоксы, ибо патриотическое сознание непроницаемо для доводов разума. Патриот всегда готов пострадать и/или отдать жизнь за Родину, Отечество, Отчизну, вождя, народ, страну, государство.

Парадокс патриотизма в том, что объект привязанности приобретает качества анонимного вымышленного предка. Язык, связывая каждого индивида с мёртвыми поколениями, становится эмоциональным свидетельством одновременного присутствия всех поколений в однородном времени [Макаренко, 2000, 372]. Патриоты мыслят в категориях национального предназначения. Каждый человек принадлежит к той или иной нации, но нация есть сообщество её верных сынов и дочерей. Продолжение существования нации зависит от преданности её членов. Логос войны возвышен, поскольку обнаруживает в человеке большее, чем его индивидуальное существование, – превосходящую его индивидуальное существование основу самоидентификации.

«Если выживание или безопасность нации оказываются под угрозой, это даже к лучшему, поскольку связь между каждодневными делами каждого и вечным существованием нации становится особенно явной... Нация, которая перестанет требовать жертв от своих представителей, станет бесполезной как средство достижения бессмертия» [Бауман, 2002, 306-307].

Родину, то есть место, и время своего рождения человек не выбирает, он всегда оказывается в уже «сделанном», «готовом», «ставшем» мире. И, по большому счету, нет никакой особой выделенности у той общности, которая порождает его на свет. Она существует наряду с другими, сочиняя мифы о

своей «крутости», «значительности», «великости», несмотря на то, что всегда состоит из людей умных и глупых, слабых и сильных, добрых и злых, добродетельных и проходимцев, мерзавцев, негодяев. Созданием, сочинением мифов о своей «особости» занимается любая этническая, социально-политическая или религиозная общность. Так, например, если человек родился в африканском племени, то он с большой долей вероятности, будет верить в тех богов, которые свойственны культуре этого племени. Если человек родился в России, то он вполне может стать православным христианином, но верить в африканских богов ему вряд ли придёт в голову. В мире сейчас всего лишь около трёх процентов православных, а если считать только воцерковленных – то только около 0,3 процента. То есть православие – это всего лишь одно из многих религиозных течений, направлений. Соответственно, рассуждения об особой духовности, сакральной исторической миссии, необходимости быть авангардом человечества, Третьим Римом имеют только мифологические основания.

Патриотизм зачастую подменяют любовью к государству – этатизмом. Этатизм абсолютизирует роль государства и предполагает практически полное подчинение интересов личностей и групп интересам государства. Государства всегда создавали и создают меняющийся образ врага. Когда государство готовится к убийству людей или начинает убивать, то оно называет себя Родиной, Отчиной, Отечеством и нещадно эксплуатирует идею патриотизма. Войны XX столетия отличаются от всех прочих не столько беспрецедентными масштабами, в которых они позволили людям убивать, сколько колоссальной численностью людей, готовых отдать свои жизни. Идея высшей жертвы приходит только с идеей чистоты, только через фатальность [Андерсон, 2001, 162].¹

---

1 Бенедикт Андерсон шутит: «Смерть за Родину, которую обычно не выбирают, приобретает такое моральное величие, с которым не может сравниться смерть за Лейбористскую партию, Американскую медицинскую ассоциацию или, даже скажем, за «Международную амнистию», ибо это такие организации, куда можно по собственной воле войти и откуда можно по собственной воле выйти. Смерть за революцию тоже черпает своё величие в той степени, в какой её воспринимают как нечто изначально чистое. (Если бы люди представляли пролетариат просто как группу, страстно жаждущую холодильников, праздников или власти, то насколько бы они, в том числе и сами члены пролетариата, были готовы отдать за неё жизнь?»).

Этатизм и воинская повинность

Любое государство выстраивает определённый милитаристский дискурс, мифологизируя «священную обязанность умереть» и «священный долг погибнуть». Если, например, государство навязывает молодому человеку всеобщую воинскую повинность, службу в армии или участие в агрессии против соседнего государства, то одновременно оно включает его в определённую смысловую и моральную «языковую игру». Выполнение «священного» или «интернационального долга» подразумевает, что «защита Родины – священный долг каждого гражданина»; «служба в армии – почётная обязанность»; «армия позволяет реализовать право каждого гражданина на выполнение долга и священной обязанности по защите Отечества»; «Родина посылает своих сыновей на боевой/ратный подвиг – Родина-мать зовёт», «по зову Родины, по зову сердца защитник Родины готов на подвиг, на выполнение сыновнего долга/обязанности перед Родиной», «солдат обещает приложить все усилия, чтобы приносить Родине только пользу, ведь быть гражданином своей страны – священный долг каждого», «Родина может послать солдата выполнять любую задачу», «приказы не обсуждают»; «умереть за Родину – почётно и достойно!», «Война, которую ведёт Родина, всегда справедливая, оборонительная, священная!», «Если вас на войне убьют и вы будете лежать на кладбище, то вас достойно наградят, а Родина будет гордиться вами – своими защитниками-героями-сыновьями» и т.п.

Вырисовывается довольно неприглядная философия, в которой государство – всё, человек – ничто. Государство определяет врага, цели, направления удара. «Пушечное мясо» всегда будет выполнять приказ. Жертвы не только неизбежны – они необходимы, запланированы, должны быть, ибо это принцип существования государства как такового. Чем больше жертв, тем больше гордость за «своих», тем больше ненависть к «чужим», «не нашим». Уничтожать нужно не только чужих, врагов, противника, но, время от времени, и своих, чтобы другие «свои» боялись. Нужно нагнетать страх, неуверенность, боязнь, чтобы обеспечить беспрекословное подчинение. Слова «Родина», «патриот», «священная обязанность», «воинский долг» и пр. – эффективное средство превращения людей в механизм, действующий чётко, эффективно, не рассуждая.

Я солдат, за меня думают другие. Дело чести – умереть за Родину! Государство ставит цели – я иду на смерть, чтобы их реализовать. Убивать моя профессия, но убийство – это уже и не убийство вообще, когда я выполняю приказ. Чем больше я убиваю, тем больше шансов у меня остаться в памяти народной в качестве героя.

В основе такой философии государственности лежит идея: жизнь одного индивида не имеет никакого смысла, она приобретает смысл лишь в коллективном действии, в случае успеха. Но смысл жизни теряется в случае неудачи. Такие установки сказываются и на русском способе ведения войны. Русские готовы на любые жертвы. «Русские бабы ещё нарожают», – говорил Жуков. Они жертвуют миллионами людей ради достижения совершенно незначительных стратегических преимуществ, которые не могут решить исход войны. Здесь стремятся к успеху, но к конечному успеху, который должен прийти внезапно. Успех оправдывает любые жертвы. Поэтому можно и должно делать даже внешне бессмысленное, лишь бы нанести ущерб.

В последние месяцы в Интернете и в СМИ сообщается о всё новых и новых случаях гибели в армии российских солдат-срочников. И в то же время с российских телеэкранов регулярно звучат хвалебные репортажи о разных провинциальных военкоматах, успешно борющихся с «уклонистами» и выполняющих план по отправке в воинские части «призывного ресурса».

Воинская повинность, по сути, представляет из себя классическое надругательство над правами и свободами личности, так как при ней все права человека могут как бы вполне «законно» сводиться к нулю – то есть к некоей «почётной обязанности» беспрекословно выполнять любые приказы начальства. Разумеется, во имя «высших общественных интересов» (которые этим начальством и определяются). В этом снабжённом «патриотическими» фразами принуждении народа к беспрекословному подчинению «мудрому» начальству и заключается смысл воинской повинности, принудительной армейской службы.

Суть авторитарного государства заключается в подавлении прав и свобод человека во имя так называемого «высшего общественного блага». На практике все эти «высшие интересы» и «общественные блага» всегда оказывались вовсе не высшими и отнюдь не общественными. Практически все государства,

ведущие войны, объявляют, что они являются обороняющейся стороной, то есть вынуждены защищаться от агрессии. Однако, на практике таких обороняющихся сторон никак не может быть больше половины от тех, что участвуют в войнах. Соответственно, другая половина участников любых войн является агрессорами. Однако, во время войны государство отправляет своих подданных на войну, принципиально не спрашивая их согласия на это. Этим подданным как бы говорят: идите и стреляйте в тех, на кого мы вам покажем; а то, что это, как минимум, в половине случаев непременно окажется не только убийством, но ещё и агрессией, не вашего ума дело. Такое требование исполнения «священного долга» ничем не отличается от требования рэкетира к предпринимателю платить ему за «крышевание». Разница лишь в том, что рэкетир обычно не заставляют людей становиться убийцами и стрелять в мирных жителей.

Слепое подчинение несправедливым приказам, обучение людей убивать себе подобных подрывает уважение к личности, демократии и человеческой жизни. Заставлять людей против воли и их убеждений идти на смерть или убивать других – это унижение человеческого достоинства. Обязательная воинская повинность прививает всей мужской части населения дух агрессивного милитаризма и как раз на том этапе жизни, когда человек более всего подвержен влиянию со стороны. В результате насаждения милитаризма война начинает восприниматься как неизбежное, и даже желанное явление.

Приведу в качестве примера полученное мною письмо одной женщины-матери. «У меня два взрослых сына. Каким чудом нам удалось выжить в 90-е годы и не умереть с голоду, пока они подрастали, одному Богу известно. О чём только не передумала бессонными ночами... Работы нет, детские (нищенская подачка в 67 рублей) не платят, пособие по безработице тоже, алименты не получаю, потому что бывший муж остался на территории Казахстана. Хоть в петлю от безысходности. Государству тогда не было до нас дела. Зато когда пришло время служить в армии, вспомнили: «Отдайте долг Родине!» Когда это они успели задолжать ей?... Здравый смысл, считаю, заключается в том, что армия должна быть профессиональной, как во многих странах мира. Государство должно создать привлекательные условия для желающих посвятить себя военному делу, а не пользоваться дармовым трудом солдат, не делать из них

«пушечное мясо», как в Афганистане, Чечне и прочих горячих точках. Здравомыслящие люди давно поняли, что их дети становятся заложниками политических, а чаще финансовых интересов правящего класса, а не интересов Родины. Что от воинской повинности можно откупиться за деньги. И выходит, что служить выпадает «Ивану-крестьянскому сыну», который, чаще всего, едва осилил школьную программу...»

Измена Родине

Изменить можно человеку, но как изменить «Родине»? Как можно изменить «воображаемому сообществу» – некоему конструкту, который существует только у тебя в голове? Почему те, кто рассуждает об измене Родине, отождествляет Родину, Отечество с государством, президентом, правительством? Интересы «Родины» всегда кем-то озвучиваются. Некто присваивает себе право говорить, вещать от имени Родины. Как только речь заходит о «Родине», сразу выстраивается очередь из тех людей, которые жаждут, стремятся, хотят выразить, представлять её интересы. Кто эти люди, которые выдают себя за «Родину» и выступают от её имени? На каком основании им делегируют, или они присваивают себе, это право?

Конечно, при этом присвоении прав вещать от имени Родины подразумевается, что государство, или те люди, которые действуют от имени государства, неизменно и несомненно действуют в интересах народа, граждан, общества. Но так ли это на самом деле? Не есть ли это очередной миф, который не выдерживает серьёзной критики? Ведь мы не раз убеждались, что государство совершает в отношении своего народа и своих граждан страшные преступления, но никогда не несёт за свои деяния никакой ответственности. Это позволяет также сделать вывод, что если в стране нет правового государства и гражданского общества, то в ней всё возможно.

Аргумент к личности, который часто используется в споре о Родине, явно или неявно формулируется в форме вопроса: «А ты кто такой?» Ты записался добровольцем? Ты не уважаешь свою историю? Ты не чтешь наши обычаи и традиции? Аргумент к личности подразумевает ответ: «Уехали (понаехали),

так и помалкивайте!» «Вы уехали в столицу, на Запад, значит, изменили родине!» «Вы образованные, а мы народ простой», «Вы живёте за границей, не учите Дуню жить!», «Вы – предатель, космополит, внутренний враг!» В основе этого аргумента к личности и эмоциональное неприятие чужого, и нежелание ничего доказывать. В этом случае человек опирается не на логику, а на древнюю оппозицию: мы – они, свои – чужие, наши – не наши. В спорах на различных интернет-форумах, постоянно всплывает одна и та же «аргументация»: «Я горжусь, что я – из России, а ты? Я – из шахтёрской династии, а ты? Я всю жизнь прожил на родине, а ты? Мы пахали! Мы вас кормим! Мы – русские, то есть православные! Тебя Родина вырастила, дала образование, сделала тебя человеком, а её предаешь, ей изменяешь, плюёшь на свою мать!»

Мышление – это сознание вслух, это не только право говорить о том, что видишь, но и право быть услышанным. В том числе и властью. Если коммуникация отсутствует, общество умирает. Отчуждение превращает людей во врагов. Проблема нашего общества в том, что в результате выстраивания «вертикали власти» политическая жизнь, структуры гражданского общества, не успев сформироваться, практически исчезли. Поэтому в России так много государственников и нет традиции свободного отвлечённого мышления, здесь почти нет людей, из которых и состоит свободное гражданское общество. Россия – неотъемлемая часть европейской цивилизации, а россияне часто мыслят её как нечто замкнутое, здесь даже патриотизм свой, особый, местечковый. Отсюда и эти возмущения по поводу того, что кто-то из россиян живёт вне России. Отсюда и страшная агрессивность «русофилов», тех, кто хотел бы воссоздать нити русской культурной традиции, «русский мир». Уехал из России – предатель; выступаешь против агрессивной политики государства – пятая колонна; хочешь, чтобы была реализована конституционная норма на периодическую сменяемость власти – оранжевая угроза.

Конечная цель традиционалиста – слиться с правильным, нормативным, должным. Озарённый светом абсолютной божественной истины, он испытывает миссионерский зуд, ощущение богоизбранности, стремится оказать благодеяние, превозносит власть русской идеи, империи, православия, духовности, святости, несущих свет истины непосвященным. В реальности этот зуд

трансформируется в различные формы агрессии – от борьбы с инакомыслием внутри России до военных действий в сопредельных странах. Для риторической репрезентации Родины, нужно чтобы она представлялась вновь и вновь. Патриотическая карта предполагает, что Родина находится под угрозой. Архаическое сознание питается энергией оппозиции/антагонизма «мы-они», «свои-чужие», «наши-не наши». Оно готово постоянно воспроизводить мифы о своей особой духовности, скрепах, сакральности, исторической миссии, империализме, жидомасонах, кулаках, врагах народа, изменниках Родины. В России ныне пропаганда изоляционизма в СМИ подкрепляется разоблачением врага внешнего – богомерзкого загнивающего Запада и внутреннего – ненавистной «пятой колонны», либералов, национал-предателей, Болотной, «оранжевых». Повторение – не просто повторение. Оно содержит среди своих риторических возможностей знакомого монстра: уверенный в своей правоте призыв к праведному национальному гневу. Кто виноват, что мы так плохо живем? – Они, не наши, чужие, враги.

В русской истории многое не случилось, и ощущение этой нехватки, этого отсутствия часто получает уродливые формы. Как заметил Мераб Мамардашвили, у нас нет мыслительной традиции отдавать себе отчёт в своих состояниях, то есть мы не задаём себе вопрос: почему я недоволен? почему я ненавижу? почему я страдаю? Вместо того, чтобы помыслить то, что мы понимаем неясно, смутно, туманно, мы изобретаем себе воображаемых врагов [Мамардашвили, 1992]. Иначе говоря, злоба эта связана с инфантилизмом, с нежеланием мыслить самостоятельно. Отсюда все эти черты провинциализма, иллюзорности жизни. Всё в будущем или в прошлом, но ничего в настоящем. И всегда можно довольствоваться лишь подмигиваниями и многозначительными перешёптываниями: мы ведь всё понимаем, только сделать ничего не можем, мы – люди маленькие и от нас ничего не зависит.

О героизме

Известно, что чем менее цивилизованной является страна, тем больше в ней почвы для героизма. Как заметил Бертольд Брехт в своей пьесе «Галилей»,

«плоха не та страна, в которой нет героев, плоха та, которая в них нуждается». Героизм – бледный заменитель настоящей жизни, истинно человеческого существования. Наиболее остро пафос героизма звучит в идеологии наиболее бесчеловечных государств. «Да, у нас дорог нет, но мы, тем не менее, ездим, – каждый день проявляем героизм». Героизм часто прикрывает чью-то расхлябанность, разгильдяйство, некомпетентность, преступность. Держаться в принципе уже ничего не может, но держится, держится на героях.

Когда говорят о героизме, часто смешивают совершенно разные позиции, разные моральные установки. Позиция первая. Нужно защищать свой дом от бандитов. Бандит конкретен, опасен и должен быть уничтожен. Героизм здесь уместен и необходим. Позиция вторая. Нужно выполнять то, что требует от тебя государство. У государства священный долг, почётная обязанность, патриотизм – лозунги, за которыми скрываются шкурные интересы чиновников. Поэтому установки государства могут меняться радикально, иногда на прямо противоположные. Сегодня с Афганистаном, Грузией, Украиной дружим, завтра – мы враги; сегодня вводим «ограниченный контингент», завтра – а мы вас туда не посылали; вчера Кадыров – боевик, сегодня – Герой России; вчера посылали солдат на смерть в борьбе за остров Даманский, сегодня – дарим его китайцам (а зачем он нам?); вчера создали с Белоруссией единое союзное государство, сегодня объявляем ей торговую (пока торговую) войну. Выполняй то, что решило за тебя государство. Погибнешь, мы назовём тебя героем. А может быть и не назовём.

Третья позиция – «героизм», который якобы проявляется, в ситуациях, когда выбора-то и нет. Жертвовать жизнью можно, когда есть возможность этой жизнью не жертвовать. Если тебя бросают в бой и говорят «ни шагу назад», «отступление – смерть!», то о каком героизме здесь в принципе может идти речь? Смерть – впереди, смерть – сзади. Всё равно умрёшь, но должен выполнять приказ! Здесь есть лишь пародия на героизм. На территории, где реализуется принцип «государство – всё, человек – ничто», заведомо не возможен подвиг, так как раб не имеет выбора. Если для государства военные – лишь пушечное мясо, о каком героизме здесь речи быть не может. Выбора нет, ты умрёшь, но мы подадим твою смерть под соусом героизма, либо вообще умолчим о ней и сделаем вид, что тебя и не было.

Ситуация четвёртая. С помощью подвига одних пытаются прикрасить преступления других. На эту тему есть хороший фильм «Остановился поезд», где главную роль сыграл замечательный актёр Олег Борисов. В завязке сюжета рядовое, казалось бы, ЧП с единственной человеческой жертвой: машинист пассажирского поезда, обнаружив во время ночного движения невесть откуда взявшуюся и катящуюся ему навстречу сцепку товарных вагонов, приказал помощнику прыгать, а сам тормозил до последнего. Столкновения избежать не удалось, но, поскольку машинист успел почти полностью погасить скорость поезда, единственной жертвой происшествия стал он сам, своим подвигом предотвратив гибель пассажиров.

Машиниста хоронят как героя, а журналист областной газеты решает написать о подвиге машиниста большой материал. Всё вроде бы идёт так, как все привыкли. Однако, на следующий день после происшествия в районный город, где расположено железнодорожное депо и в котором жил погибший машинист, приезжает следователь областной прокуратуры. Его задача – разобраться в причинах аварии, то есть выяснить, откуда взялась на ночной дороге сцепка товарных вагонов, двигавшихся навстречу пассажирскому поезду, и почему поезд не успел полностью затормозить, хотя должен был на этом опасном участке двигаться с пониженной скоростью. И постепенно, в результате не особо хитрых следственных действий, выясняется, что авария произошла не в результате несчастного стечения обстоятельств, а явилась следствием целой цепочки халатных и безответственных действий целого ряда лиц. Один подложил под стоящие на уклоне вагоны два тормозных башмака вместо положенных по инструкции четырёх; другой выпустил в рейс локомотив с неисправным скоростемером, в результате чего машинист не знал, что едет по опасному участку с превышением скорости; а третий – начальник депо – в течение уже многих лет закрывает на всё это безобразие глаза, потому что «все всегда клали два башмака вместо четырёх, и никогда никаких аварий не случалось», – и в результате для того, чтобы предотвратить гибель нескольких сотен человек, потребовалось пожертвовать собой одному человеку – машинисту. Авторами фильма фактически было предложено заменить один из главных советских лозунгов – «В жизни всегда есть место подвигу!» – совершенно неброским,

рутинным правилом: «Жизнь должна быть организована так, чтобы подвиги были не нужны».

В этом фильме меня особенно коробит сюжет, когда из погибшего машиниста учителя местной школы делают, создают, лепят Героя. В нашей школе учился Петя, который совершил подвиг! А Петя и не хотел умирать, и не знал, что умрёт, и умер от преступной халатности других, не по собственному выбору, а потому что выбора не было. Но истина здесь никому не нужна, она некрасива, она безжалостна. И вот Петя уже Герой, на примере которого воспитывают поколения пионеров, проводят пионерские линейки, гордятся, помнят, проводят мероприятия, стоят в почётном карауле! Кому нужна правда? Правда нам не нужна! Не трожь нашу память! Мы помним! Мы гордимся! Мы чтим!

Это трагикомедия ложных положений в нашей истории часто повторяется, повторяется и сегодня, сейчас. На людей катится волна разнообразных, внешне не связанных, но по отдельности вполне осмысленных действий и ставит их в ситуацию, когда они должны надевать заранее заданные маски и действовать в соответствии с ними. В результате никто не оказывается перед лицом сути дела. Перед нами каша, в которой перепутаны добро и зло, фантазии и здравый смысл, реальное дело и внутренние потуги дела. Все обращено, взаимозаменяемо, зыбко и неопределенно, что и порождает не людей, способных на поступок, а просто марионеток, надевающих маски. В том числе и маску героя. На сцене разыгрывается спектакль масками-марионетками, а мы в нём принимаем участие. Мамардашвили, комментируя этот фильм, отмечает, что мыслить, возможно лишь тогда, когда ты выпал из этого клубка человеческих тел, где все друг друга понимают, входят в положение, проявляют человеческое участие. И чтобы узреть истину, нужно выпасть из этой человеческой связи, из этой коллективной безответственности².

Люди часто образуют тесный повседневный мир, в котором они друг друга поддерживают исходя из взаимной выгоды, пользы. В основе этой непосредственной человечности лежит патернализм, неразвитость социальной жизни,

---

2 За то, что ты выпал из этого клубка, пошёл против большинства могут и камнями побить, и убить, как убили Холодова, Политковскую, Магницкого, когда они публично озвучили истину. И следователя в этом фильме тоже чуть не побили. Если все молчат, когда на их глазах рушится закон, то всё возможно. И кого угодно назначат «героем».

неуважение к праву, закону, убожество культурной жизни в целом. Если человек живёт ложью о действительности, а её истину воспринимает только в форме внешних, стихийных и неожиданных злоключений, то сознание запутывается, приобретает черты разорванности. Оно разрывается, мечется между извращённым пониманием действительности и ощущением тёмной силы, вырастающей из реальных взаимосвязей людей и обнажающей внутреннюю фальшь существующего. Через эту трещину в сознание начинает прорываться всё то, что общество оставило неисполненным в человеке и подавило, клубок противоречивых и взрывчатых ощущений, содержащих неудовлетворённость существующим, смутную потребность свободного развития и т.д. И сознание не выдерживает сшибки этих двух различных измерений, реагируя массовыми невротами или мифами спасения, болезнями духа. В попытках осмысления окружающей действительности и истории оно в изобилии рождает мифы, в том числе и мифы о героях, о славном прошлом, о высокой духовности, исключительной порядочности, абсолютной праведности и пр.

Язык и «новояз»

Я хотел бы обратить внимание не столько на то, что мы говорим о войне, об армии, о патриотизме, сколько на то, как мы это говорим, какую речь употребляем. Это очень важно – рефлексировать над языком. Весь XX век – это поворот внимания мыслящих людей в сторону языка, языковых форм, формоупотребления. Невозможно понять что-либо в мире, если мы не уяснили себе, что находимся в особых, жизненных мирах, в мирах, которые создаются нашим сознанием, нашим языком. Мамардашвили пишет, что в России употребляется какой-то странный, искусственный, заморализованный язык, пронизанный всеобщей обидой на действительность как таковую. Такой язык насквозь пронизан чем-то, что обладает свойствами блокировать, уничтожать саму возможность оформления и кристаллизации живой мысли, естественных нравственных чувств.

Нравственное состояние чувства отличается от простого чувства тем, что это то же самое чувство, но «узнавшее» себя. Тогда оно – в нравственном состоянии. А как может чувство найти себя в духовном состоянии, если оно с самого начала

перехвачено нравоучительным названием? Например, человек, который воевал в Афганистане, с самого начала назван воином-интернационалистом. А воевал он в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане. Само словообразование и обязанность называть происходящее ритуальным словосочетанием разрушают возможность явлению быть тем, что оно есть на самом деле, узнать себя. Как могут материнская любовь и горе за сына, посланного на войну, выразиться или кристаллизироваться в этих словах, которыми сын её с самого начала назван? Не кристаллизовавшись в восприятии действительности войны, первоначально искреннее человеческое чувство и страдание получают заряд отрицательной энергии, исходящей из псевдоназвания. Кроме того что этот язык уничтожает сами основы перевода естественного материала чувства в его культурное состояние, он ещё и пронизывает все человеческие чувства, мысли, состояния сладким, скрывающим морализаторством: «родная армия, прокуратура, полиция», «советский (российский) чекист», «Как же вы мне не доверяете, можете меня не любить, ведь я – солдат, детище народа, из народной гущи», «Как можно подумать обо мне плохо, ведь я – сын Родины, её защитник, выполняю задачу обороны страны; как можно подумать и даже говорить, что я – убийца?»

Там, где меньше всего морали в смысле культурного состояния, а не нравственной потуги, там чаще всего ищут моральные мотивы и только о них и говорят, поучают друг друга, все взывают к доверию, добру, духовности, любви, пониманию. И никто не осмеливается назвать вещи своими именами, его тут же душат требованиями доверия, любви, единения, патриотизма, любую попытку противостоять этому воспринимают как оскорбление святынь. На этой почве никакая мысль не прививается, она здесь не живёт.

В данном случае мы имеем дело с причудливой смесью своекорыстного знания: использование слов для прикрытия, искажения реальности, незнание и, главное, нежелание её знать. Потому что знание реальности поставило бы под вопрос эту морализаторскую кашу, когда всё прикрывается, разрушается, оправдывается словами, скрывающими реальность. По сути – это первобытное, дохристианское состояние магического мышления, где слова и есть якобы реальность. В магии слова отождествлены с вещами (в настоящее время помимо слов используются ещё и визуальные образы). Это – абсурд, который душит

любое человеческое чувство. Если оно попало в эту машину разрушения языка (а сейчас эти машины – радио, телевидение, интернет очень эффективны), то оно внутри неё превращается в тёмные и разделяющие нации страсти, так как машина не может дать о себе отчёт, объяснить себя. Возникает онемение чувств и восприятий, формируются люди, которые могут смотреть на предмет и не видеть его, смотреть на человеческое страдание и не чувствовать его. Вместо реального действия и жизни есть лишь слова «сознательность», «духовность», «героизм», «вечная память», «почётный долг», «священная обязанность» – ритуальные заклинания вместо поступка.

Что мы имеем в результате использования такого «нового языка» – «новояза»? Российские женщины переживают за сыновей, воюющих в Афганистане, Чечне, Грузии, Украине. Но в результате тем, кто развязывает войны, посылает их ребёнка на смерть, убивает их сыновей, они бьют поклоны; а тех, кто пытался и пытается остановить убийство их сыновей, готовы распять. Академика Сахарова, который выступал против войны в Афганистане, готовы были затоптать, забить, уничтожить «простые советские люди». А ведь он просто мыслил самостоятельно (а мыслить можно только самостоятельно). То же самое мы наблюдаем и сегодня. Нет академика Сахарова, его забили. Но в стране ничего не изменилось, здесь нет реальности. Здесь сейчас забивают других.

Термин «новояз» использовал Джордж Оруэлл в своём романе «1984». В чём особенность этого языка? В его пространстве почти нет шансов узнать, что человек на самом деле чувствует или каково его действительное положение. Иначе говоря, этот язык представляет собой двоемыслие. Говорим одно, думаем другое. С одной стороны, двоемыслие – признак распада культуры, опустошения её живого ядра, а с другой – оно не позволяет кристаллизироваться духовным состояниям человека. А духовное состояние – это всегда продукт работы, продукт самосознания, понимания, осмысления. Дух не рождается на пустом месте. На пустом месте может вырасти только чертополох.

Мы имеем здесь дело с до-ценностным, до-историческим миром, миром, который выпал из истории, миром исторического бессилия. Когда нет возможности выбора, принятия самостоятельного решения, нет и ответственности, нет традиции. А есть лишь жонглирование словами: боевики, силовики, кон-

тингенты, боестолкновения, бандформирования, террористы, интернационалисты, жидобандеровцы, укрофашисты, каратели, ополченцы, братья-славяне, патриот, военно-патриотическое воспитание, Святая Русь, герой, пожертвовать жизнью, священная война, священная память, священная обязанность, почётный долг, Вечный Огонь, наших бьют! Мысль на такой почве не прививается. Одни лозунги и славословие!

Враг

Принципиальным моментом в метафоре отчуждения является способность субъекта различать внешнее и внутреннее, своих и чужих, опасное и безопасное. Карл Шмитт считал, что все политические действия и мотивы можно редуцировать к различению друга и врага. Причём целью данного различения является не определение, а борьба и уничтожение врага [Шмитт, 1992, 41]. Угроза войны создает, канализирует и концентрирует страхи населения, гарантирует волны народной поддержки войны против врага – как внутреннего, так и внешнего. В стране, где весь мир – враги, враг становится невидимым. Очевидно, что каждый потенциальный несогласный, диссидент, инакомыслящий – это боевик, партизан, шпион. Враг повсюду; угроза имеет глобальный характер. Запуганные люди без вопросов и протестов готовы смириться с вмешательством в самые основы их жизни.

Так же, как война производит великое переворачивание морального сознания, ставя на место фундаментального «Не убий» заповедь «Убей как можно больше», она ставит на голову и все прочие «региональные» этики и этики отдельных «секторов», делает бессмысленное осмысленным, а разумное – абсурдным. Петер Слотердаик отмечает, что мораль с её запретами типа не убий, не укради и т.д. действует лишь в мире своих. Чужие из морального сообщества исключены (традиционно по обе стороны фронтов враги именуются зверьми, а их действия зверствами). Лишение жизни чужого в состоянии войны не рассматривается в качестве убийства, а конфискация или уничтожение его собственности для целей войны – воровства. Война оправдывает убийство, грабёж, изнасилование, пытки, издевательства, воровство. Не зря говорят, война всё спишет.

Заключение

Понятно, что логика войны предполагает раскол человечества на своих и чужих. Однако следует заметить, что современное постиндустриальное общество характеризуется социальным молекуляризмом, который, с одной стороны, поддерживает и возвышает индивидуальность человека, а с другой – сохраняет и укрепляет социальность как жизненный мир человека, включающий в себя других людей. Оппозиция Я и Мы разрешается в единство Я и Другого, причем Другие здесь не чужие, но иные. Парадигмальные трансформации современного стиля мышления связаны с идеей многозначности эволюционных векторов и в силу этого характеризуются программным отказом от самой идеи бинарных оппозиций (мы – они, свои – чужие, наши – не наши, друзья – враги). В постиндустриальную эпоху акцент делается на самовыражении и самоутверждении, на собственной значимости. Культурные смыслы и ценности переводятся в индивидуальные способы осмысления личностного существования. В такой атмосфере милитаристский принцип реальности разваливается прямо у нас на глазах. Соответственно, говорит Слотердаjk, возникает вопрос: «Хватит ли у нашей цивилизации духовных ресурсов, чтобы установить новый, трансмилитаристский и постиндустриальный принцип реальности? Ведь атомное, бактериологическое, химическое оружие, равно как и вся система устрашения противника с помощью «обычных» вооружений – это не что иное, как уродливые проявления всемирно-исторического процесса ожесточения, в котором имперские культуры выразили свою сущность, воплотив её в технике. Грознящий катастрофой реализм, который лежит в основе сегодняшних отношений между великими державами, на протяжении долгого времени может быть только принципом реальности политизированных психопатов. Эпоха милитаристского разума как средства выживания, вместе со всеми остальными вытекающими из него принципами, клонится к своему роковому исходу» [Слотердаjk, 2001, 491-492].

Но то, что обречено на смерть, не несет ли оно в себе зародыш нового разума? – спрашивает Слотердаjk. Если выживание в общем и целом никоим образом не будет следовать в будущем закону военных и эксплуататорских систем ожесточения, то не намечается ли здесь какой-то новый принцип реальности?

Библиография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. М.: Логос, 2004. 368 с.
4. Волков В.Н. Жизнь «здесь и сейчас»: равнодушие к смерти, вечности и бессмертию // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2013. № 3-4. С. 69-93.
5. Лисина Е.А. Феномен ритуала в жизни общества: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук. Оренбург, 2008. 133 с.
6. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 480 с.
7. Слотердаик П. Критика цинического разума / Пер. с нем. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2001. 584 с.
8. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 35-67.

Concepts of patriotism and heroism in the discourse of sacrifice and death

Vladimir N. Volkov

Doctor of Philosophy, professor of the department of management,
socio-cultural activities and tourism,
Academy for Retraining in Arts, Culture and Tourism,
123007, 5 5-th Magistral'naya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vnickvo@gmail.com

Abstract

Modern industrial society is characterized by social atomism which, on the one hand, support and exalts individuality and, on the other, preserve and strengthen social life as a man's world, which includes other people. Opposition of Me and We is transforming in the unity of Me and Other, and the Others are not aliens, but different. Paradigmatic transformation of the modern way of thinking is associated with the idea of evolutionary vectors ambiguity, and therefore it is characterized by a denial from the very idea of binary oppositions (we – they, our folk – strangers, friends – enemies). In the post-industrial era self-expression and self-assertion take its own significance. Cultural meanings and values are translated into individual ways of thinking about personal existence. In such an atmosphere militaristic principle of reality is falling apart before our eyes. Concepts of patriotism, heroism, the enemy are of particular importance in connection with the entry of Russia into the world civilization and globalization. Today's "patriots" are once again trying to organize a "witch hunt" and search for "fifth column" under the guise of fighting against cosmopolitanism and "traitors of the motherland." Therefore, our practical task is to understand the problems associated with patriotism, heroism, the homeland and its enemies.

For citation

Volkov V.N. (2015) Patriot i geroi v diskurse zhertvennosti i smerti [Concepts of patriotism and heroism in the discourse of sacrifice and death]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 1-2, pp. 9-29.

Keywords

Patriotism, heroism, homeland, nation, statism, an enemy, a feat shrine, war, newspeak, globalization.

References

1. Anderson B. (1992) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. 2nd ed. London: Verso. (Russ. ed.: Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma*. Moscow: Kanon-Press-Ts. Publ.; Kuchkovo pole Publ.)

2. Bauman Z. (2001) *The Individualized Society*. Cambridge: Polity Press. (Russ. ed.: Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow: Logos Publ.)
3. Lisina E.A. (2008) *Fenomen rituala v zhizni obshchestva: sotsial'no-filosofskii analiz. Dokt. Diss.* [The phenomenon of ritual in the life of society: socio-philosophical analysis. Dokt. Diss.]. Orenburg.
4. Makarenko V.P. (2000) *Glavnye ideologii sovremennosti* [The main ideologies of our time]. Rostov n/D: Feniks Publ.
5. Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo [Concept of the political]. *Voprosy sotsiologii* [Questions of sociology], 1(1), pp. 35-67.
6. Sloterdijk P. (2001) *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of cynical reason]. Ekaterinburg: Ural. un-t Publ.
7. Volkov V.N. (2013) Zhizn' "zdes' i seichas": ravnodushie k smerti, vechnosti i bessmertiyu [Life "here and now": indifference to death, eternity and immortality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 3-4, pp. 69-93.
8. Wallerstein I. (2001). *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-First Century*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press. (Russ. ed.: Vallerstain I. (2004) *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XX veka*. Moscow: Logos Publ.)